

Сказка Туве Янссон " В конце ноября " Глава 12

Хомса Тофт читал медленно и отчетливо: "Словами невозможно описать смятение, возникшее в то время, когда поступление электрических зарядов прекратилось. Мы имеем основание предполагать, что нумулит это одиночное явление, которое, тем не менее, мы по-прежнему относим к группе Протозоя, замедлил значительно свое развитие и прошел период съезживания. Свойство фосфоресцировать у него утратилось, и несчастное существо вынуждено было прятаться в трещинах и глубоких расселинах, служивших ему временным убежищем для защиты от окружающего мира".

– Так и есть, – прошептал Тофт, – теперь кто угодно может обидеть его, ведь в нем нет электричества. Теперь он все съезживается, съезживается и не знает, куда ему деваться...

Хомса Тофт свернулся калачиком и начал рассказывать. Он позволил этому зверьку прийти в одну долину, где жил хомса, умевший делать электрические бури. В долине светились белые и фиолетовые молнии. Сначала они блистали вдаль, потом подходили все ближе и ближе.

Ни одна рыба не попала в сачок Онкельскрута. Он заснул на мосту, надвинув шляпу на глаза. Рядом на каминном коврике лежала Мюмла и смотрела на коричневые струи воды. Возле почтового ящика сидел хемуль, он что-то писал крупными буквами на фанерной доске.

– "Муми-дален – Долина муми-троллей", – прочитала Мюмла. – Для кого это ты пишешь? – спросила она. – Тот, кто придет сюда, будет знать, куда он пришел?

– Это совсем не для кого-то, – объяснил хемуль, – это для нас.

– А зачем? – удивилась она.

– Я и сам не знаю, – пожал плечами хемуль и, подумав, сказал:

– Может, для того, чтобы знать наверняка. Ведь это особенное название, ты понимаешь, что я имею в виду?

– Нет, – призналась Мюмла.

Хемуль дописал последнюю букву, вынул из кармана большой гвоздь и начал прибивать доску к перилам моста. Проснулся Онкельскрут и пробормотал:

– Спасите предка...

А из палатки выскочил Снусмумрик и закричал:

– Что ты делаешь? Сейчас же прекрати!

Шляпа у него, как всегда, была надвинута на глаза.

Никто раньше не видел, чтобы Снусмумрик вышел из себя, и теперь все ужасно сконфузились и потупили глаза.

– Нечего расстраиваться! – продолжал Снусмумрик с упреком. – Неужто ты не знаешь?..

Каждый хемуль должен знать, что любой снусмумрик ненавидит объявления, которые что-либо воспрепятствуют, это единственное, что может разозлить его, обидеть, вывести из себя. Вот Снусмумрик и вышел из себя. Он кричал и вел себя ужасно глупо.

Хемуль вытащил гвоздь и бросил фанеру в воду. Буквы быстро потемнели, расплылись, и различить их было уже нельзя, объявление подхватил поток и понес его дальше, к морю.

– Видишь, – сказал хемуль, и в голосе у него не было прежнего уважения, – доска уплыла. Может, это в самом деле не так важно, как мне казалось.

Снусмумрик ничего не ответил, он стоял неподвижно. Вдруг он подбежал к почтовому ящику, поднял крышку и заглянул внутрь. Потом побежал дальше к большому клену и сунул лапу в дупло.

Онкельскрут вскочил на ноги и закричал: – Ты ждешь письма?

Не говоря ни слова, Снусмумрик подбежал к деревянному сараю, опрокинул чурбан для колки дров, распахнул дверь, и все увидели, что он шарит лапой по полочке у окна над верстаком.

– Никак ты ищешь свои очки? – с любопытством спросил Онкельскрут.

– Я хочу, чтобы мне не мешали, – ответил он, вышел из сарая и пошел дальше.

– В самом деле! – воскликнул Онкельскрут и заспешил за Снусмумриком. – Ты совершенно прав. Прежде я целыми днями искал вещи, слова и названия и не мог терпеть, когда мне пытались помочь. – Он уцепился за плащ Снусмумрика и продолжал: – Знаешь, что они говорили мне целыми днями? "Где ты видел это в последний раз?" "Постарайся вспомнить" "Когда это случилось?" "Где это случилось?" Ха-ха! Но теперь с этим покончено. Я забываю и теряю все, что хочу. Скажу тебе...

– Онкельскрут, – сказал Снусмумрик, – по осени рыба ходит у берега, а не на середине реки.

– Ручья, а не реки, – радостно поправил его Онкельскрут. – Это первое разумное слово из всех, что мне довелось услышать сегодня.

Он тут же побежал к реке, а Снусмумрик продолжал искать. Он искал письмо Муми-тролля, прощальное письмо. Муми-тролль должен был бы его оставить, ведь он никогда не забывает сказать до свидания. Но все тайники были пусты.

Лишь один Муми-тролль знает, как нужно писать письмо Снусмумрику. По-деловому и коротко. Никаких там обещаний, тоски и прочих печальных вещей. А в конце что-нибудь веселое, чтобы можно было посмеяться.

Снусмумрик вошел в дом и поднялся на второй этаж, отвинтил круглый деревянный шарик на лестничных перилах – там тоже ничего не было.

– Пусто! – сказала Филифьонка за его спиной. – Если ты ищешь их драгоценности, то они не здесь. Они в платяном шкафу, а шкаф заперт.

Она сидела на пороге своей комнаты, закутав лапы в одеяло и уткнув мордочку в горжетку.

– Они никогда ничего не запирают.

– Какой холод! – воскликнула Филифьонка. – За что вы меня не любите? Почему не можете придумать для меня какое-нибудь занятие?

– Ты можешь спуститься в кухню, – пробормотал Снусмумрик, – там теплее.

Филифьонка не отвечала. Откуда-то издалека донесся слабый раскат грома.

– Они ничего не запирают, – повторил Снусмумрик.

Снусмумрик подошел к платяному шкафу и отворил дверцу. Шкаф был пуст. Он, не оглядываясь, спустился вниз по лестнице.

Филифьонка медленно поднялась. Она видела, что в шкафу пусто. Но из пыльной темноты шкафа шел отвратительный и странный запах – удушающий и сладковатый запах гнили.

В шкафу не было ничего, кроме съеденной молю шерстяной прихватки для кофейника и мягкого коврика серой пыли. А что это за следы на слое пыли? Крошечные, еле заметные... Что-то жило в шкафу... Нечто вроде того, что ползает на месте сдвинутого с места камня, что шевелится под сгнившими растениями. Теперь они уползли из этого шкафа – они ползли, шелестя лапками, тихонько позванивая панцирями, шевеля щупальцами, извиваясь на белых мягких животиках...

Она закричала:

– Хомса! Иди сюда!

Хомса вышел из чулана. Растерянный, помятый, он недоуменно смотрел на Филифьонку, словно не узнавал ее. Хомса раздул ноздри – здесь очень сильно пахло электричеством, запах был свежий и резкий.

– Они выползли! – воскликнула Филифьонка. – Они жили здесь и выползли!

Дверца шкафа скрипнула, и Филифьонка увидела, как в нем что-то опасно блеснуло. Она вскрикнула. Но это было всего лишь зеркало на внутренней стороне дверцы. В шкафу же было по-прежнему пусто.

Хомса Тофт подошел ближе, прижав лапы ко рту. Глаза у него стали круглые и черные как уголь. Запах электричества становился все сильнее и сильнее.

– Я выпустил его, – прошептал он, – он был здесь, но я выпустил его.

– Кого ты выпустил? – со страхом спросила Филифьонка.

Хомса покачал головой.

– Я не знаю, – сказал он.

– Но ведь ты, наверно, их видел. Подумай хорошенько, – настаивала Филифьонка. – Как они выглядели?

Но хомса побежал в свой чулан и заперся. Сердце у него сильно стучало, а по спине бегали мурашки. Стало быть это правда. Зверек

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

пришел сюда. Он здесь, в долине. Хомса открыл книгу на той самой странице и стал читать по складам быстро, как только мог: "Мы имеем основание предполагать, что его конституция приспособится к новым обстоятельствам и освоится в новой среде, после чего создадутся предпосылки для возможности его выживания. Далее существует вероятность, однако это лишь наше предположение, наша гипотеза, что через неопределенное время в результате развития этой особи, причем характер его развития абсолютно неясен, он вступит в фазу нормального роста".

Ничего не понимаю, – прошептал хомса, – одна болтовня. Если они не поторопятся, он пропадет.

Он лег на книгу, зарыв лапы в волосы, и в отчаянье принялся сбивчиво рассказывать дальше. Он знал, что зверек становится все меньше и меньше и что выжить ему очень трудно.

Гроза подходила все ближе, вспышки молнии сверкали здесь и там. Непрерывно слышался треск электричества, деревья дрожали, и зверек чувствовал: "Вот, вот, наконец–то!" Он все рос и рос. Вот опять засверкали молнии, белые и фиолетовые. Зверек стал еще больше. Он стал уже такой большой, что ему необязательно было принадлежать к какому–нибудь виду.

Тофту стало легче. Он лег на спину и смотрел на окно в потолке, за которым виднелись сплошные серые тучи. Он слышал дальние раскаты грома. похожие на ворчание, идущее глубоко из горла, когда тебя хорошенько разозлят.

Медленно и осторожно спускалась Филифьонка вниз по лестнице. Она думала, что все эти страшилища, скорее всего, держатся вместе, затаились сплошной густой массой в каком–нибудь сыром и темном углу. Или тихо–тихо сидят в какой–нибудь потаенной и гнилой осенней яме. А может быть, все не так! Может, они забрались под кровати, в сапоги или еще куда–то?!

"Какая несправедливость! – думала Филифьонка. – Никто из моих знакомых не попадает в подобные истории. Никто, кроме меня!"

Перепуганная, она помчалась длинными прыжками к палатке, дернула закрытую дверцу и с отчаяньем прошептала:

– Открой, открой... Это я, Филифьонка!

Только в палатке она почувствовала себя увереннее. Она опустилась на спальный мешок, обхватила колени лапами и сказала:

– Теперь они вышли на свободу. Их выпустили из платяного шкафа, и сейчас они могут быть где угодно... Миллионы насекомых

притаились и ждут...

– А кто–нибудь еще видел их? – осторожно спросил Снусмумрик.

– Конечно, нет! – раздраженно ответила Филифьонка. – Ведь это они меня поджидают!

Снусмумрик выколотил свою трубку и попытался найти подходящие слова. Удары грома послышались снова.

– Не вздумай говорить, что сейчас будет гроза, – угрюмо сказала Филифьонка. – Не говори, что насекомые давно уползли или что их вовсе не было или что они маленькие и безобидные, – мне это вовсе не поможет.

Снусмумрик взглянул ей прямо в глаза и заявил:

– Есть одно место, куда они никогда не заползут, это кухня. Туда они никогда не явятся.

– Ты в этом уверен? – строго спросила Филифьонка.

– Я это знаю, – заверил Снусмумрик.

Снова ударил гром, теперь уже совсем близко. Снусмумрик взглянул на Филифьонку и ухмыльнулся.

– Все–таки будет гроза, – сказал он.

И действительно, с моря пришла сильная гроза. Блистали белые и фиолетовые молнии, он никогда не видел так много красивых молний. Внезапно долина погрузилась во тьму. Филифьонка подобрала юбки, засемила через сад к дому и захлопнула за собой кухонную дверь.

Снусмумрик поднял мордочку и принялся, воздух был холодный, как железо. Пахло электричеством. Теперь молнии струились параллельными столбами света и у самой земли рассыпались на большие дрожющие пучки. Вся долина была пронизана их ослепительным светом! Снусмумрик топал лапами от радости и восхищения. Он ждал шквала ветра и дождя, но они не приходили. Лишь раскаты грома раздавались между горными вершинами, казалось, огромные тяжелые шары катались взад и вперед по небу, и пахло паленым. Вот раздался последний торжествующий аккорд, и все затихло. Наступила полная тишина, молнии больше не сверкали.

"Удивительная гроза, – подумал Снусмумрик, – интересно, куда ударила молния?"

И в тот же миг раздался страшный рев, от которого у Снусмумрика по спине поползли мурашки. Кричали у излучины реки. Неужели молния ударила в Онкельскрута?

Когда Снусмумрик прибежал туда, Онкельскрут подпрыгивал на месте, держа обеими лапами окуня.

– Рыба! Рыба! – орал он. – Я поймал рыбу! Как ты думаешь, что лучше: сварить его или зажарить? А есть здесь коптильня? Может ли кто–нибудь приготовить эту рыбу как следует?

– Филифьонка! – сказал Снусмумрик и засмеялся. – Одна только Филифьонка может приготовить твою рыбу.

На стук филифьонка высунула свою дрожашую мордочку и пошевелила усиками. Она впустила Снусмумрика, задвинула засов и прошептала: "Мне кажется, я справилась".

Снусмумрик кивнул, он понял, что она имеет в виду не грозу.

– Онкельскрут впервые поймал рыбу, – сказал он. – Правда ли, что только хемули умеют ее готовить?

– Конечно, нет! – воскликнула Филифьонка. – Только филифьонки умеют готовить рыбные блюда, и хемюлю это известно.

– Но навряд ли ты сумеешь сделать так, чтобы ее хватило на всех, – с грустью возразил Снусмумрик.

– Вот как? Ты так думаешь? – возмущилась Филифьонка и бесцеремонно выхватила у него из лап окуня. – Хотела бы я видеть ту рыбку, которую не смогла бы разделить на шесть персон! – Она распахнула кухонную дверь и сказала серьезным тоном: – А теперь уходи, я не люблю, когда мне мешают во время готовки.

– Ага! – воскликнул Онкельскрут, подглядывавший в дверную щель. – Стало быть, она может готовить! – и вошел в кухню.

Филифьонка опустила рыбу на пол.

– Но ведь сегодня день отца! – пробормотал Снусмумрик.

– Ты уверен в этом? – спросила Филифьонка с сомнением в голосе. Она строго посмотрела на Онкельскрута и спросила: – А у тебя есть дети?

– Нет ни одного ребенка! Я не люблю родственников. У меня есть только правнуки, но их я забыл.

Филифьонка вздохнула.

– Почему никто из вас не может вести себя нормально? С ума сойти можно в этом доме. Уходите оба отсюда и не мешайте мне готовить ужин.

Оставшись одна, она задвинула засов и очистила окуня, забыв обо всем на свете, кроме рецепта, как вкуснее приготовить рыбу.

Эта короткая, но страшная гроза сильно наэлектризовала Мюмлу. От волос ее сыпались искры, и каждая маленькая пушинка на ее лапках встала дыбом и дрожала.

"Теперь я заряжена дикостью, – думала она, – и не стану ничего делать. До чего же приятно делать то, что хочешь". Она свернулась на одеяле из гагачьего пуха – как маленькая шаровая молния, как огненный клубок.

Хомса Тофт стоял на чердаке и смотрел в окно; гордый, восхищенный и немного испуганный, он смотрел, как в Долине муми–троллей сверкают молнии.

"Это моя гроза, – думал Тофт, – я ее сделал. Я наконец научился рассказывать так, что мой рассказ можно увидеть. Я рассказываю о последнем нумулите, маленьком радиолярии, родственнике семейства Протозоя... Я умею метать гром и молнии, я – хомса, о котором никто ничего не знает".

Он уже достаточно наказал Муми–маму этой грозой и решил вести себя тихо и никому, кроме себя, не рассказывать про нумулита. Ему нет дела до электричества других – у него была своя гроза. Хомсе хотелось, чтобы вся долина была совсем пустой, – тогда у него было бы больше места для мечтаний. Чтобы придать очертания большой мечте, нужны пространство и тишина.

Летучая мышь все еще спала на потолке, ей не было дела до грозы.

– Хомса, иди сюда, помоги–ка мне! – донесся из сада возглас хемюля.

Хомса вышел из чулана. Притихший, с начесанными на глаза волосами, он спустился вниз, и никто не знал, что он держит в своих лапках грОзы, бушующие в лесах, тяжелых от дождя.

– Вот это гроза так гроза! Тебе было страшно? – спросил хемюль.

– Нет, – ответил хомса.

Ровно в два часа рыба Филифьонки была готова. Она запрятала ее в большой дымящийся коричневый пудинг. Вся кухня уютно и умиротворенно благоухала едой и стала самым приятным и безопасным местом в мире. Ни насекомые, ни гроза сюда попасть не могли, здесь царила Филифьонка. Страх и головокружение отступили назад, ушли, запрятались в самый дальний уголок ее сердца.

"Какое счастье, – думала Филифьонка, – я больше не смогу заниматься уборкой, но я могу готовить еду. У меня появилась надежда!"

Она открыла дверь, вышла на веранду и взяла блестящий латунный гонг Муми–мамы. Она держала его в лапе и смотрела, как в нем отражалась ее ликующая мордочка, потом взяла колотушку с круглой деревянной головкой, обитой замшей, и ударила: "Динь–дон, динь–

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

дон, динь–дон! – разнеслось по всей долине. – Обед готов! Идите к столу!"

И все прибежали с криком:

– Что такое? Что случилось?

А Филифьонка спокойно ответила:

– Садитесь за стол.

Кухонный стол был накрыт на шесть персон, и Онкельскруту было отведено самое почетное место. Филифьонка знала: он все время стоял у окна и беспокоился, что сделают с его рыбой. А сейчас Онкельскрута впустили в кухню.

– Обед – это хорошо! – сказала Мюмла. – А то сухарики с корицей никак не идут к огурцам.

– С этого дня, – заявила Филифьонка, – кладовая закрыта. В кухне распоряжаюсь я. Садитесь и кушайте, пока пудинг не остыл.

– А где моя рыба? – спросил Онкельскрут.

– В пудинге, – ответила Филифьонка.

– Но я хочу ее видеть! – жалобно сказал он. – Я хотел, чтобы она была целая, я съел бы ее один!

– Фу, как тебе не стыдно! – возмутилась Филифьонка. – Правда, сегодня день отца, но это не значит, что можно быть таким эгоистом.

Она подумала, что иногда нелегко угождать старикам и следовать всем добрым традициям.

– Я не стану праздновать день отца, – заявил Онкельскрут. – День отца, день матери, день добрых хомс! Я не люблю родственников.

Почему нам не отпраздновать день больших рыб?

– Но ведь пудинг очень вкусный, – сказал хемуль с упреком. – И разве мы не сидим здесь как одна большая счастливая семья? Я всегда говорил, что только Филифьонка умеет так вкусно готовить рыбные блюда.

– Ха–ха–ха! – засмеялась польщенная Филифьонка. – Ха–ха –ха! – И взглянула на Снусмумрика.

Ели молча. Филифьонка суетилась между плитой и столом: подкладывала еду на тарелки, наливала сок, добродушно ворчала, когда кто–нибудь проливал сок себе на колени.

– Почему бы нам не прокричать "ура!" в честь дня отца? – вдруг спросил хемуль.

– Ни за что, – отрезал Онкельскрут.

– Как хотите, – сказал хемуль, – я только хотел сделать всем приятное. А вы забыли, что Муми–папа тоже отец? – Он серьезно поглядел на каждого из сидевших за столом и добавил: – У меня есть идея: пусть каждый сделает приятный сюрприз к его возвращению.

Все промолчали.

– Снусмумрик может починить мостки у купальни, – продолжал хемуль. – Мюмла может выстирать одежду, а Филифьонка сделает генеральную уборку...

Филифьонка даже уронила тарелку на пол.

– Ни за что! – закричала она. – Я больше никогда не буду делать уборку!

– Почему? – удивилась Мюмла. – Ведь ты любишь наводить чистоту.

– Не помню почему, – ответила Филифьонка.

– Совершенно верно, – заметил Онкельскрут, – нужно забывать обо всем, что тебе неприятно. Ну я пойду, порыбачу, и если поймаю еще одну рыбу, съем ее один. – И пошел, не сняв с шеи салфетку.

– Спасибо за обед, – поблагодарил хомса и шаркнул лапкой.

А Снусмумрик вежливо добавил:

– Пудинг был очень вкусный.

– Я рада, что тебе понравился, – сказала Филифьонка рассеяно. Она думала о другом.

Снусмумрик зажег свою трубку и медленно направился вниз к морю. В первый раз он почувствовал себя одиноким. Подойдя к купальне, он распахнул узкую рассохшуюся дверь. Пахло плесенью, водорослями и летним теплом. Запах наводил тоску.

"Ах домА! – подумал Снусмумрик. Он сел на крутую лесенку, ведущую к воде. Перед ним лежало море, спокойное, серое, без единого островка. – Может, не так уж трудно найти Муми–тролля и вернуть домой. Острова есть на карте. Но зачем? – думал Снусмумрик. – Пусть себе прячутся. Может, они хотят, чтобы их оставили в покое".

Снусмумрик больше не искал пять тактов, решив, что они придут сами, когда захотят. Ведь есть и другие песни. "Может быть, я поиграю немного сегодня вечером", – подумал он.